

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

Ю. А. Сауров, Н. А. Низовских
Киров

*Всё, что грядёт, уже было в образах:
чтобы найти свою душу, древние уходили в пустыню.
К. Г. Юнг*

Петренко В. Ф. Многомерное сознание: Психосемантическая парадигма. 2-е изд., доп. М.: Эксмо, 2013. – 448 с. (По итогам презентации книги на конференции «Психология саморазвития человека» в Вятском государственном гуманитарном университете в июне 2014 года).

Сейчас в науке и во всех видах практики существует острая потребность в методологических ориентирах деятельности. Книга В.Ф. Петренко своим остриём направлена на решение этой проблемы в области психологии сознания и, шире, в области психологии познания человека в мире. Отсюда её особенности – название, структура, содержание, стиль. Отсюда и ее жанр – книга для максимально широкой научно-профессиональной аудитории.

Название книги – емкое, точное, многообещающее – соответствует ее содержанию. Автор страстно актуализирует вопросы о бытии сознания, вовлекая в этот процесс и читателей. Где находится сознание? Может быть оно вовне человека? А может быть, на человеке, прилепленное к нему, как чип на подложке, и тогда человек в буквальном смысле носитель сознания (может быть случайный)? Как сознание связано с мышлением, вниманием, восприятием? Вероятно, во многом сознание зависит от системной организации человека, как от матрицы, которая задает ориентировку и сама – ориентировка? И разве без внешней деятельности и вне связи с внешней деятельностью сознание возможно? Кажется, дух времени вызвал к жизни предлагаемую В.Ф. Петренко психосемантическую парадигму многомерного сознания, ориентированную на углубление познания человека в мире.

Структура книги представлена 14-ю главами, в которых описываются теоретико-методологические и эмпирические исследования в области психосемантики сознания. Условно текст можно разделить на две части.

Первая – это культурологическое и психологическое построение парадигмы **видения** мира человека (главы I–VIII). Здесь привлечением и отсечением исторического материала строится методология психосемантической парадигмы сознания. Что же получается в сухом остатке? Заметим, что собственно о парадигме как объекте внимания и построения, прямым образом говорится немного. В этой части книги автор приводит внятно эксплицированные положения, сущностно представляющие психосемантику как парадигму конструктивизма. Вот некоторые из этих положений: категориальные структуры сознания задают концептуальную рамку видения человеком мира (с. 76 и др.); психосемантические методы реконструируют присущие субъекту имплицитные модели мира, которые сам человек может и не осознавать, но которые актуализируются

в «режиме употребления» (с. 95); психосемантика – наука о понимании человека, работа психосемантика на 90 процентов является технологией (с. 99); предмет психосемантики, как и предметы других наук, как идеальная модель задается методами и специфическим языком описания; основные понятия психосемантики операциональны, т.е. в свернутой форме содержат процедуру построения исследуемого предмета (с. 106); проблема рефлексии – ключевая для человеческого сознания (с. 120); человек не является жестко детерминированной системой, подчиняющейся строгим законам, а, обладая внутренним миром и свободой воли, выступает не равным, не тождественным самому себе в каждый новый момент времени; описание человека в психосемантике осуществляется через описание его картины мира (с. 127); сознание можно трактовать как процесс вторичного восприятия объекта в превращенной знаковой форме и введения соответствующего объекту значения в систему отношений с другими значениями языкового тезауруса (с. 222–223). Некоторая метафоричность и эмоциональная пристрастность утверждений лишь усиливают идеи автора о сознании как открытой, многомерной и сверхсложной системе. Мы с удовлетворением воспринимаем эти идеи и поддерживаем их нацеленность на понимание человека.

Мы согласны, что в современной психологии, несмотря на обилие парадигм и постоянно возрастающий объем эмпирии, нет кардинально новых идей, нет верных «безумных теорий», подобных тем, что рождаются в физике микромира и в космологии. Речь идет о методологических идеях нового видения мира и человека (с. 107-108). Что предъясвляет научному сообществу В.Ф. Петренко? Автор предлагает парадигму многомерного сознания, представленную главным образом идеями конструктивизма: об активности познающего субъекта, о познании как конструировании моделей мира, о множественности возможных языков, моделей, описаний мира, о структурировании поведения человека по извне/изнутри заданным конструктам (с. 147, 168–174). Эти идеи, как отмечает автор, уже сформулированы в эпистемологии, семиотике, структурной лингвистике, социологии. Как им придать новизну и продуктивность в исследовании сознания? Это отдельная задача, стоящая перед автором. Возможно, применение этих идей в психологии сложнее? требует специальных усилий? Одна из центральных идей психосемантического конструктивизма заключается в том, что «познание не только описывает, но и творит реальность и теоретические модели по принципу кольцевой причинности участвуют в созидании мира» (с. 148). "Дух времени" соединяется в психосемантике с "духом глубин" сознания, конструктивизм интегрируется с интуитивизмом, в связи с чем психосемантическая парадигма воспринимается как способная претендовать на статус одной из "верных «безумных теорий»" в психологии. Идея творения новых реальностей посредством сознания не просто декларируется автором, она подвергается проверке практикой.

Психосемантический метод в контексте темы книги – наиболее интересный конкретный научный продукт. Заметим, что обоснование метода, особенно в части интерпретации данных, судя по содержанию мыслей автора, остается некоторой узловым проблемой. Вот одно из положений, отражающее ситуацию:

"в отличие от объектного описания, присущего естественно-научной парадигме в психологии, субъективные семантические пространства выступают для интерпретатора не как некий идеальный модельный объект, изоморфный объекту исследования. <...> Интерпретация построенных семантических пространств как необходимое и важнейшее звено психосемантического анализа необходимо включает эмпатийно-интроспективную составляющую" (с. 150).

Вторая часть книги – восхождение к практике как реальности исследовательской деятельности (главы IX–XIV). Эта реальность конкретнее, богаче, чище. Наверное, и есть самая «настоящая» человеческая реальность, «вторичная» реальность как продукт и условие социально-культурной деятельности людей? В её построении и функционировании роль метода-парадигмы ведущая. Понятно ли, что тогда «первичная» природа-реальность выделяется как вершина, где к культурной реальности прибавляется постулат онтологизации? Важно, что рождается и живет человек во «вторичной» реальности, но на подложке объективного мира. В этом формате индивидуальное – это всегда лишь в малой степени присвоение общественно-культурного опыта, и только если повезёт, – вклад в это культурное. И средствами психосемантики канал передачи опыта рода можно определить по-новому для разных практик! Важно лишь аккуратно использовать эти возможности.

Но разве вторичная реальность может быть практикой масс? Кто и как её задаёт? И в закольцованном моделями и действиями мире, в едином познавательном котле субъектов и объектов суперпозиция реальностей задаёт фундаментальную онтологическую модель-ориентировку – действительность. И таким образом дает основание-условие для нового витка познания и реальности. В некоторых практиках, например, в трудовой деятельности и образовании, такое задание онтологии-действительности – фундаментальный методологический стержень, вокруг которого всё и вертится в жизни индивидуума. Однако творческая практика всегда разрывает эту закольцованность (под научную или иную цель). И тогда мир понятен как практика, тогда он «готов» к величию познания или преобразованию.

При исследовании конкретных областей деятельности метод психосемантики даёт интересные результаты. Приведём выводы и данные автора книги, которые нас особенно «зацепляют»: процесс медитации изменяет формы категоризации мира и себя, раздвигает границы идентичности, в пределе вообще снимая какие-либо формы категоризации (с. 265); психосемантические исследования позволяют сравнительно полно охватить картину религиозного самосознания, при этом как бы «изнутри» самого этого сознания (с. 287); "в измененных состояниях сознания достигается некоторое раскрепощение, отстранение от стандартов, стереотипов культуры и движение к большей спонтанности, эмоциональной насыщенности (через состояние хаоса к творчеству)" (с. 295), т.е. гипотетично психические состояния меняют кривизну, т.е. метрику, размерность семантических пространств сознания (с. 315); любой текст (художественные и научные книги, пьесы и фильмы, телевизионные сериалы, реклама, развлекательные шоу и т.д.) существует как "текст в тексте", в перекличке с другими текстами, даже если последние явно не цитируются (с. 327); понятие

"картина мира" удобно для описания менталитета человека и общества тем, что содержит целостную структуру знания человека о мире, включающую как осознаваемые, так и неосознаваемые и плохо осознаваемые компоненты (с. 336). Мы разделяем идеи автора о множественности образов мира и некорректности притязаний на единственно верный способ его восприятия и осмысления, на что указывает в своем послесловии и А.М. Улановский.

Текст книги читается хорошо. Но все же ветер увлеченности, если оценивать книгу с естественнонаучной точки зрения, порою уносит автора далеко от реальности устоявшихся в науке положений. Вряд ли «вчувствование» – «механизм прямого знания» (с. 151), во всяком случае, научного знания. Оса явно не моделирует средствами своей психики самоощущение другого существа. Такая увлеченность, может быть, и заостряет мысль, но неоправданно широко трактует рефлексивные возможности живых существ уровня осы. И вот ещё шаг, и созревает мысль о возможности человека в измененных состояниях сознания проникать в опыт предыдущих реинкарнаций (воплощений) (с. 152). Смелый для академического ученого шаг. Оправдан ли он? Как увлечению вчувствованием придать не гипотетический и интерпретационный аспект, а характер модельного описания с потенциалом понимания и предсказания (с. 153 и др.)? И не является ли обращение к опыту дзен-буддизма, сингхизму, пророчеству, памяти Бога и т.д. слишком внешним аргументом творческой эмпатии? Парадоксальным образом при такой «чувственной» аргументации психосемантическая парадигма логически жестко описывает (и даже задаёт!) реальность.

Свободные мысли В.Ф. Петренко, изложенные на страницах его книги, нас привлекают и завораживают. Более всего воодушевляет то, что эти мысли облечены в плоть практики, и через практику дают продукт. Этот продукт – парадигма сознания в семимерном или другом (девятимерном, если сможем осилить!?) пространстве. В любом случае, мы обязаны использовать эту парадигму для дальнейших исследований, открытий и конструирования новых миров.

Хотелось упрекнуть автора за увлеченность интеллектуальной игрой, за увлеченность путешествиями в виртуальные миры сознания. Но ведь и мы такие, и книга дала возможность это почувствовать. Нам показалось, что данная книга – страстное желание В. Ф. Петренко выбраться из психосемантических миров на волю. Куда? Не совсем ясно, ведь другого ничего нет. Кажется, что отдельные главы излишне самодостаточны, ортогональны, как оси психосемантического пространства, и что это несколько вредит целостности восприятия книги, и, как в медитации, требует повторов. Чем сложнее полезный текст, тем полезнее он для увеличения когнитивной сложности субъекта. Текст книги В.Ф. Петренко непростой.

Мы получили удовольствие от книги. От чистоты стиля, в основном выраженного в чистоте мыслей и даже в чистоте чувств, что немаловажно. Её зигзаги хорошо иллюстрируют многомерность сознания. Рецензируемая книга – умная, живая при чтении. И такое её восприятие – самый прямой показатель её классического уровня. Мы рады за автора, присутствующего в тексте книги, живущего её идеями, не останавливающегося в своих исканиях. Такая книга – всегда движение за горизонт...